

Елена Арсеньева

Обреченная страдать (Царица Евдокия Лопухина, Россия)

*Часть сборника
Преступления страсти. Жажда
власти (сборник)*

Елена Арсеньева
Обреченная страдать (Царица
Евдокия Лопухина, Россия)
Серия «Преступления
страсти. Месть за любовь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161602

Эксмо; Москва;

Аннотация

«Царица Наталья Кирилловна долго проклинала тот день, когда впервые увидела этого человека. А ведь в ту минуту чудилось, будто принес он поддержку и спасение... Звали его полковник Франц Лефорт, и он привел своих солдат на помощь молодому царю Петру, искавшему в Троице-Сергиевом монастыре спасение от сестры своей, царевны Софьи, замыслившей его убийство и захват власти. Вслед за Лефортом в монастырь прибыли и другие иноземные офицеры, и стрелецкий Сухарев полк, оставшийся верным Петру...»

Елена Арсеньева

Обреченная страдать

(Царица Евдокия Лопухина, Россия)

Царица Наталья Кирилловна долго проклинала тот день, когда впервые увидела этого человека. А ведь в ту минуту чудилось, будто принес он поддержку и спасение... Звали его полковник Франц Лефорт, и он привел своих солдат на помощь молодому царю Петру, искавшему в Троице-Сергиевом монастыре спасение от сестры своей, царевны Софьи, замыслившей его убийство и захват власти. Вслед за Лефортом в монастырь прибыли и другие иноземные офицеры, и стрелецкий Сухарев полк, оставшийся верным Петру. Но они все же пришли потом, дорожку им проложил именно Франц Лефорт, а оттого он и награжден был щедрее других, и в чинах повышен, в генералы произведен, и облечен доверием молодого государя. Только ведь всем известно – судьба одной рукой дает, другой норовит отнять, а потому Лефорт стал молодому царю другом, а матери его да жене – злейшим и коварнейшим врагом.

Государыня Наталья Кирилловна, когда женила сына, думала оторвать его от иноземцев, с которыми он пропадал на

Плещеевом озере, в Переславле-Залесском. Там строил он какие-то ладьи, флотилию какую-то ладил... Больно нужна она была кому-то, флотилия та, еще утонет дитя или застудится насмерть в ледяной водиче! Вот и порешила царица отвлечь сына женитьбой на молодой красавице.

Она присматривала будущую невестку среди самых достойных московских боярышень и наконец приглядела девятнадцатилетнюю Евдокию Лопухину – красавицу, добрую, нежную, к тому ж хорошего, хоть и обедневшего рода. Небось Лопухины будут руки лизать царю Петру, многочисленных сторонников он приобретет через брак. А то, что Евдокия на три года старше Петра, никак не могло, по мнению Натальи Кирилловны, делу повредить, ибо жена и должна быть крепче, умней, опытней такого супруга, каким был Петруша. У него вечно ветер в голове, что с него возьмешь...

Свадьбу сыграли 27 января 1689 года, но счастье супружеское длилось недолго. Расчеты Натальи Кирилловны не оправдались: Евдокия не смогла удержать Петра около себя. Водяные забавы влекли его куда сильнее, чем нежность молодой жены. И Наталья Кирилловна немедля на невестку озлобилась: пошто не сумела Петенькой владеть, да так, чтобы и шагу в сторону шагнуть не смел, не желал?

Да и не только Евдокия вызвала недовольство царицы – все Лопухины, на которых она так надеялась, оказались людьми злыми, скупыми, не знающими нимало в обхождении придворном, ябедниками, умов самых низких. Кругом

начали шептаться, мол, если придут в милость и во власть Лопухины, то всем государством завладеют. И сам Петруша матушку укорял за то, что таких родственников скандальных ему подсудобила и жену немилую. Однако все это были вполне переживаемые мелкие нелады... А вот когда явился при дворе Франц Лефорт, тут-то и схватилась Наталья Кирилловна за голову.

Ведь увенчав себя шапкой Мономаха и взойдя на трон, Петр стал самодержавным государем, сам себе и всей державе Русской хозяином сделался, значит, считал, что все ему теперь позволено, от высокого до низменного. И когда невольно становилось ему терпеть монаршее благолепие, он облачался в кургузое и нелепое немецкое платье, натягивал на свои длинные, голенастые ноги женские чулки, всовывал ступни в башмаки с пряжками, прятал крутые кудри под париком, склеенным из волос каких-то иноземных баб, — и только его и видели! Теперь он не только на озерах пропадал, но и в Иноземной слободе. И слухи, которые о его подвигах тамошних доходили, повергали Наталью Кирилловну в ужас.

Лефорт, проклятуший Лефорт, сводил его то с одной девкой непотребной, то с другой. Распробует какую-нибудь сам, словно придворный отведыватель блюд, а потом подсовывает распочатую непотребницу русскому царю. Наталья Кирилловна слышала о дочери ювелира Боттихера, потом о дочери кабатчика Монса и не сомневалась, что имя девкам — легион.

А все почему? Потому что жена Петрушу не прельщает! Вот она-то, Наталья, в свое время так царя-батюшку Алексея Михайловича к себе причаровала, что он и глянуть в сторону не смел, не то чтобы по чужим постелям шарахаться. А Дунька Лопухина... Тьфу на нее, одно слово!

Наталья Кирилловна совершенно напрасно сравнивала сына с отцом, с государем Алексеем Михайловичем. Хотя и любил Алексей Михайлович постельные утехи, однако сравниться с Петром по одержимости никак не мог. То есть они вообще были как небо и земля. Лейб-медик Вильбуа сказал о молодом государе однажды: «В теле его величества сидит, должно быть, целый легион бесов сладострастия». Петр просто физически не мог оставаться верным одной женщине, тем более – такой робкой и стыдливой, какой была Евдокия Лопухина. Но даже окажись она, как принято выражаться теперь, раскованной, это вызвало бы у мужа только лютый гнев и ревность. Что желательно видеть в любовнице, то не прощается жене! Жена должна рожать, а не затейничать.

Евдокия, впрочем, исправно рожала: сначала сына Алексея, потом еще двух сыновей – Александра и Павла, однако они умерли во младенчестве, а старший остался жив. Но и сын был так же немил отцу, как и жена – мужу. Всё, как родила младших, так будто отрезало: ни ночи больше не проводил с нею Петр. Дневал и ночевал в Немецкой слободе.

Тошно было Евдокии. Доходили слухи о «Монсихе», которая прочно пришила к своей юбке ее, Евдокииною, му-

жа. Уж и этого было бы довольно, чтобы чувствовать себя несчастной. А тут еще матушка-свекровушка знай шипела, каждый шаг охаивала, каждое слово переговаривала, поедом ела. Да только ли она одна? И золовка, Наталья, туда же... Да разве дело, чтоб сестра брата так ревновала, как она ревновала Петра? Любовнице такое пристало, но не родной сестре. Или... или правду шепчут старухи по темным, тайным кремлевским закоулкам? Шепотки, невзначай улавливаемые Евдокией, приводили ее в ужас, заставляли отмахиваться, открещиваться, как от великого греха... разве ж кровосмешение – не великий грех? Она заставляла себя не верить в сие, но стоило увидеть косящие от злости глаза царевны Натальи, как волей-неволей верилось в самое дурное.

И все же Евдокия любила мужа и любовь свою выказывала в немудреных письмах:

«Государю моему радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, свет мой, на множество лет! Просим милости, пожалуй, государь, буди к нам из Переславля не замешкав. А я при милости матушки жива. Женишка твоя Дунька челом бьет».

«Лапушка мой, здравствуй на множество лет! Да милости у тебя прошу, как ты позволишь ли мне к тебе быть? И ты пожалуй о том, лапушка мой, отпиши. За сим женка твоя челом бьет».

«Предражайшему моему государю-радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, мой свет, на многие лета! Пожа-

луй, батюшка мой, не презри, свет, моего прошения: отпиши, батюшка мой, ко мне о здоровьи своем, чтоб мне, слыша о твоём здоровьи, радоваться. А сестрица твоя царевна Наталья Алексеевна в добром здоровьи. А про нас изволишь милостью своей памятовать, и я с Алешенькою жива. Женка твоя Дунька».

Сына Евдокия растила в любви к отцу, и Алексей тоже писал – трогательно и почтительно (с шести лет его начали учить грамоте): «Государю моему батюшку, царю Петру Алексеевичу, сынишка твой Алешка, благословения прося, и челом бьет. Прошу у тебя, государя-батюшки, милости: пожалуй, государь-батюшка, отпиши ко мне про свое многолетное здоровье, чтобы мне, государь-батюшка, слыша про твое многолетное здоровье, радоваться. Изволишь, государь-батюшка, милостью своей напаметовать, и тетушка и матушка в добром здравии, и я молитвами твоими при милости их жив. Сын твой Алексей бьет покорно челом».

А между тем над головой Евдокии, которая писала свои искренние, немудреные эпистолы, уже собирались тучи, и совсем сгустились они после смерти Натальи Кирилловны. Да-да, как ни странно, свекровь сдерживала своеволие Петра, своим пристрастием к старинной нерушимости брака утихомиривала его нежелание жить с Евдокией. Пусть и сама не любила ее, но – что Бог соединил, человек не разрушает.

Разрушает, еще как! Наталья Кирилловна умерла и не могла в том убедиться, а Евдокии вот привелось...

В 1697 году Петр и несколько ближних к нему людей (в их числе был непременный Франц Лефорт!) отправились в путешествие за границу. Переезжая из Курляндии в Пруссию, из Бранденбурга в Голландию, из Англии в Австрию, Петр не только учился западной науке и культуре, перенимал европейский политес. Он обдумывал свою личную жизнь и все отчетливее понимал, что не желает быть связанным с прежней, ненавидимой им старой Русью ни в чем. Даже через жену. Евдокия была в его глазах олицетворением боярской Руси – ненавидимой, постылой, отсталой. Он решил развестись с женой и окончательно отряхнуть с себя прах прошлого. Новую страну задумал он строить, новую женщину взять себе в царицы...

Дело было, впрочем, не только в нелюбви к самой тишайшей и скромнейшей Евдокии. Накануне отъезда Петра в Европу был открыт заговор Соковнина, Циклера и Пушкина, покушавшихся на жизнь царя. Был розыск, заговорщиков казнили, открыли их сообщников. Среди них оказалось много Лопухиных, пусть и дальних, но все же родственников царицы. Теперь Петру, который после панического бегства своего в Троицу был склонен к истерической панике (характер у него вообще был истерический!), чудилось, что гнездо предателей свито в самом Кремле. В том старом, шепотками и шелестами пронизанном Кремле, в его закоулках, в его покоех, в покоях Евдокии...

Напрасно продолжала она писать свои наивные письма,

напрасно пеняла мужу на его охлаждение:

«Предражайшему моему государю, свету радости, Царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, мой батюшка, на множество лет! Прошу у тебя, свет-милости, обрадуй меня, батюшка, отпиши, свет мой, о здоровье своем, чтобы мне, бедной, в печалях своих порадоваться. Как ты, свет мой, изволил пойтить, и ко мне не пожаловал, не отписал о здоровье ни единой строчки. Только я, бедная, на свете несчастная, то не пожалуешь, не пишешь о здоровьи своем. Не презри, свет мой, моего прошения. А сестрица твоя, Наталья Алексеевна, в добром здоровьи. Отпиши, радость моя, ко мне... И я с Алешенькою жива».

Да, напрасно... Петр принял решение развестись с женой и поручил своему дяде, Льву Кирилловичу Нарышкину, а потом боярину Тихону Никитичу Стрешневу склонить Евдокию к пострижению в монастырь. Затем он мечтал жениться на Анне Монс.

Однако Евдокия от пострижения отказалась. Приступить вплотную к ее уговорам помешало страшное событие: стрелецкий бунт. Вернее сказать, бунт случился, когда Петр еще был в отъезде, к его возвращению мятеж подавили, но осталось сделать главное: казнить стрельцов, возмущившихся против царя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.